

Медный кувшин (8 глава)

Энсти Гатри Томас

????????? ??????????.

Возвращаясь на Викентьеву площадь на другой день вечером, Горацій чувствовал себя в особенно счастливом настроении. У него было сознание хорошо проведенного рабочего дня, потому что эскизы дома г-на Вакербаса были готовы и отправлены по его городскому адресу, и Вентимор чувствовал приятную уверенность, что его клиент будет более чем удовлетворен его чертежами.

Но не поэтому было у него так легко на сердце. Сегодня вечером Сильвии предстояло впервые удостоить своим присутствием его комнаты. Она будет ступать по его ковру, сидеть на его стульях, будет говорить обо всем этом и, может быть, брать в руки его книги и безделушки, — и все это как будто сохранит навсегда память о ней. Только бы она пришла! Даже и теперь он не мог вполне поверить, что она придет, что какое-нибудь случайное препятствие не помешает ей. Точно такое же чувство заставляло его иногда сомневаться, не слишком ли упоительно и чудесно его обручение, чтобы закончиться браком или хоть не прерваться вдруг.

За обед он был почти спокоен, так как еще утром обсудил все его детали вместе с хозяйкой и мог надеяться, что, не будучи роскошным, чтобы не возбуждать гнева профессора, обед должен быть неплохим, достойным внимания Сильвии; хотя вряд ли что могло оказаться достаточно редким и изысканным для этой цели.

Ему хотелось припасти шампанского, но он знал, что это вино будет как бы проявлением тщеславия в глазах профессора и поэтому удовольствовался кларетом, хорошим виноградным вином, в качестве которого был уверен. Цветы, думал он, вполне допустимы. Он зашел в цветочный магазин по дороге и приобрел несколько хризантем, бледно-желтых и цвета терракоты — самых лучших, какие нашлись. Некоторые из них могли быть хороши посреди стола в старинной нанкинской бело-голубой чаше, которая у него была; остальные он думал расставить по комнате: до одеванья должно было хватить на это времени.

С такими мыслями он повернул на площадь Викентия, которая казалась обширнее, чем когда-либо; черноватый туман занял все ее пространство, обнесенное высокими решетками, а по необъятному простору стального неба быстро неслись облака, точно корабли, на всех парусах спешащие в гавань перед бурей. Внизу, в тумане, вырисовывались молодые, почти голые деревья плоскими черными силуэтами, как засушенные водоросли, а небо над самыми крышами было зловеще-красное от множества освещенных улиц. С реки доносились протяжные свистки судов, сливаясь с более далекими воплями и истерическими вскрикиваниями паровозов на Ламбетгкой линии.

Теперь он подходил к старому полуособняку, в котором квартировал, и в первый раз заметил, что решетка веранды с обвивавшими ее стеблями плюща и висячими корзинами бросала красивую узорчатую тень на окна, которые отсвечивали розоватым блеском, давая впечатление тепла, уюта и гостеприимства. Он спросил себя, заметит ли это Сильвия, когда приедет?

Он прошел под старой аркой из кованого железа, когда-то служившей поддержкой для фонаря, и поднялся на небольшое, но крутое крыльцо, которое вело в кирпичные сени, пристроенные сбоку. Тут он отпер дверь своим ключом и... замер, остолбенев от изумления, потому что очутился в чужом доме.

Вместо хорошо знакомой скромной прихожей с желтыми под мрамор обоями, вешалкой красного дерева и пожилым барометром в состоянии хронической подавленности он увидел сводчатую

восьмиугольную переднюю с синими, красными и золотыми арабесками и богато расшитыми драпировками; пол был мраморный, а посреди неглубокого бассейна из алебаstra бил с убаюкивающим плеском душистый фонтан.

«Должно быть, я ошибся номером», — подумал он, совершенно забывая, что его ключ подошел к замку, и уже собирался уйти, пока еще его вторжение не было замечено, когда занавески раздвинулись и показалась г-жа Ранкин, представляя собою такую жалкую и нелепую фигуру среди этой обстановки, являясь такою ошеломленною и удрученною горем, что Горацию, несмотря на собственную возраставшую тревогу, было довольно трудно остаться серьезным.

— Ох, г. Вентимор, барин! — жаловалась она. — Что вы теперь намерены еще сделать, хотела бы я знать? — Как подумаешь, каково это — взять да и переделать всю квартиру так, что узнать нельзя, — и ни словом не упредить! Уж если нужна была переделка, я думаю, хоть сказать бы надо Рапкину да мне.

Гораций и не заметил, как уронил все свои хризантемы в фонтан. Он теперь понял; в сущности, он как-то почти понял это сразу, но не хотел сознаться даже перед собою.

Конечно, причиною беды был все тот же джинн. Он вспомнил теперь, что упомянул накануне об ограниченных удобствах своей квартиры.

Ясно, что Факраш мысленно отметил это и, по своей безудержной щедрости, являвшейся наихудшим его пороком, решил, в виде приятного сюрприза, совершенно переменить обстановку и убранство комнат сообразно собственному вкусу.

Это было чрезвычайно мило с его стороны, доказывало искренность его благодарности, но...

«Ох! — подумал Гораций с горечью в душе. — Если бы он только согласился оставить меня в покое и заняться собственными делами».

Однако дело было сделано и ответственность приходилось принять на себя, потому что едва ли было возможно открыть правду.

— Разве я не говорил, что хочу сделать некоторые изменения? — сказал он беззаботным тоном. — Они сделаны немного скорее, чем я ожидал. А что... тут долго работали?

— Я положительно не могу вам этого сказать, барин, потому что уходила за некоторыми покупками, которые мне нужны к вечеру, а Рапкин был на углу, в читальне. А когда я пришла, то все уже было готово и рабочие ушли. И как они могли кончить такое дело так скоро, это меня совершенно сбивает с толку; потому что когда у нас перестраивали кухню, то работали десять дней.

— Ну, хорошо, — сказал Гораций, уклоняясь от этой темы, — все-таки они сделали это, и сделали замечательно хорошо. Ведь вы согласны, г-жа Рапкин?

— Все это может быть, сударь, — сказала г-жа Рапкин, фыркнув, — только мне-то не по вкусу, и не думаю, чтобы пришлось по вкусу Рапкину, когда он увидит.

Вентимору оно тоже было не по вкусу, хотя он не собирался признаваться в этом.

— Что делать, г-жа Рапкин! — сказал он. — Только мне сейчас некогда беседовать, надо бежать наверх и одеваться.

— Прошу меня извинить, сударь, но это совершенно невозможно... потому что, когда они были здесь, они совсем убрали лестницу.

— Убрали совсем лестницу? Глупости! — воскликнул Гораций.

— Так и я думаю, г. Вентимор... Но это как раз то, что люди сделали, а если вы не верите, подите и посмотрите сами.

Она раздвинула драпировки и открыла изумленному взору Вентимора обширную залу с колоннами и с высоким куполообразным потолком, от которого свешивалось несколько ламп, дававших мягкий свет. Наверху, в стене налево, было два окна, которые, по его мнению, раньше находились у него в гостиной; из деликатности, или по неумению, или просто потому, что это ему не пришло в голову, джинн не тронул наружных стен; только эти окна были теперь замаскированы сквозной позолоченной решеткой, которою Гораций объяснил себе узор, замеченный им снаружи. Стены были обложены голубыми с белыми восточными изразцами; вдоль двух стен зала шла алебастровая платформа, на которой стояли диваны; в противоположной ему стене подковообразные арки вели, очевидно, в другие комнаты. Середина мраморного пола была застлана дорогами коврами с кучами подушек, яркие цвета которых горели из-под золотых мудреных вышивок.

— Ну, — сказал несчастный Гораций, едва сознавая, что говорит, — это... это очень... уютно, г-жа Рапкин.

— Не мне судить об этом, сударь; только я хотела бы знать, где вы думаете обедать?

— Где? — сказал Гораций. — Ну, здесь, конечно. Здесь много места.

— В доме не осталось ни одного стола, — сказала г-жа Рапкин, — значит... разве только вы захотите накрыть на полу.

— О, здесь должен быть стол где-нибудь, — сказал Гораций нетерпеливо, — или же вы можете взять займы. Не создавайте затруднений, г-жа Рапкин. Приспособьте, что угодно... Теперь я должен идти и одеваться.

Он наконец освободился от нее и, пройдя под одну из арок, нашел меньшую комнату, из кедрового дерева, с инкрустациями из слоновой кости и перламутра, которая, очевидно, была его спальней.

Роскошное одеянье, жесткое от золотых вышивок и сверкавшее древними украшениями из драгоценных камней, было разложено для него (ибо джинн обдумал все); но, конечно, Вентимор предпочел бы свой собственный вечерний костюм.

— Г. Рапкин! — закричал он, подходя к другой арке, которая, по-видимому, сообщалась с подвалом.

— Что прикажете? — ответил хозяин, который только что вернулся из своей «читальни» и теперь появился без галстука в одной жилетке, бледный и растерянный, что, пожалуй, понятно, принимая во внимание обстоятельства. Когда он вошел в эти ставшие ему чуждыми мраморные покои, он пошатнулся; его красные глаза выкатились, а рот открылся как у рыбы.

— Они и здесь побывали также, кажется, — заметил он хрипло.

— Здесь немножко переделали, — сказал Гораций, — как видите. Не знаете ли вы, куда девалось мое платье, а?

— Я не знаю, куда они девали все. Ваши платья? Ну, я не знаю, куда девалась даже наша маленькая гостиная, где мы с Марией сидели столько лет каждый вечер. Я не знаю, куда девались кладовая и ванная с горячей и колодной водой, проведенной за мой собственный счет. А вы просите меня найти вам сюртучную пару! Я нахожу, сударь, я навожу, что самая не... самое непозволительное своеволие было допущено в ущерб мне.

— Любезный, не болтайте вздора! — сказал Гораций.

— Я вам говорю, что знаю. И всегда скажу, что дом англичанина — это его крепость, и никто не имеет права, как только он повернул спину, прийти и построить у него турецкие бани, вот что!

— Построить что? — воскликнул Гораций.

— Турецкие бани, понятно говорю. Ведь это же сущие турецкие бани. Как вы думаете, кто захочет снять квартиру, отделанную на смех? Что я скажу домовладельцу? Такое дело разорит меня, да! После того, как вы здесь квартируете пять лет, и мы с Марией смотрели на вас, как на родного... Это

тяжело... это чертовски тяжело!

— Слушайте, — сказал Вентимор резко, потому что было ясно, что умственные занятия г-на Рапкина не обошлись без помощи многочисленных рюмок, — придите в себя наконец и слушайте!

— Я почтительно отклоняю предложение прийти в себя... ни для кого на свете, — сказал г-н Рапкин с гордым видом. — Я стою здесь за свое достоинство, как человека, сударь! Слышите, я стою здесь...

Он помахал рукой и неожиданно сел на мраморный пол.

— Стойте на чем хотите или на чем сумеете, — сказал Гораций, — но вы слушайте, что я хочу вам сказать. Тот кто... те, кто сделали все эти изменения, вышли за пределы моих распоряжений. Я вовсе не хотел, чтобы дом был так переделан. И все таки, если ваш домовладелец не найдет, что его ценность страшно повысилась, он будет дураком, вот и все! Как бы то ни было, я позабочусь, чтобы вы не пострадали. Если заставят все привести в прежний вид, я это сделаю на свой счет. Поэтому, пожалуйста, не беспокойтесь больше.

— Вы — настоящий джентльмен, г. Вентимор, — сказал Рапкин, осторожно пытаясь стать на ноги. — Джентльмена сразу узнаешь. Я тоже джентльмен!

— Конечно, — сказал Гораций весело, — и я вам скажу, как это доказать. Вы сейчас же пойдете вниз и попросите свою милую жену облить вам голову холодной водой: затем окончите свой туалет, постарайтесь добыть какой-нибудь стол, накройте его для обеда и будьте готовы к приезду моих друзей, чтобы доложить о них, когда они приедут, и потом служить за столом. Понимаете?

— Хорошо, господин Вентимор, — сказал Рапкин, который еще не вышел за пределы понимания и повиновения. — Вы уже на меня положитесь. Я постараюсь хорошо принять ваших друзей, превосходно! Я служил буфетчиком в лучших, в самых знатных... в самых аристо... вы знаете, в такого рода домах... и... все это было в порядке, и я буду в порядке через несколько минут.

С таким обещанием он заковылял по лестнице, оставив Горация с облегченным до некоторой степени сердцем. Подержав голову под краном, Рапкин будет достаточно трезв; да и кроме того можно рассчитывать на нанятого лакея.

Если бы только нашлась его фрачная пара! Он вернулся в свою комнату и все перерыл, как сумасшедший, но нигде ничего не оказалось, а так как он не мог решиться встретить гостей в рабочей куртке — что профессор принял бы за умышленное оскорбление и что, конечно, показалось бы грубым нарушением этикета в глазах г-жи Фютвой, если не в глазах ее дочери, — то он решил надеть восточные одежды за исключением чалмы, которую ему никак не удавалось наvertеть на голову.

Так наряженный, он снова вошел в зал под куполом, где, к своему большому неудовольствию, увидел, что еще не было и намека на обеденный стол. Он уже начал растерянно искать звонок, когда появился Рапкин. По-видимому он последовал совету Горация, потому что его волосы были мокры и приглажены и он был сравнительно трезв.

— Нет, это слишком! — кричал Гораций. — Мои друзья могут сейчас приехать, а еще ничего не сделано. Вы не намерены служить за столом в таком виде, не правда ли? — прибавил он, заметив, что тот был в пальто и шарфе.

— Я не намерен служить ни в каком виде, — сказал Рапкин, — я ухожу, да!

— Очень хорошо, — сказал Гораций, — в таком случае пошлите сюда лакея... Я полагаю, он пришел?

— Он пришел... но опять ушел... Я ему сказал, что он не будет нужен.

— Вы это ему сказали! — сказал Гораций сердито, но потом овладел собой. — Ну, Рапкин, образумьтесь. Не можете же вы в самом деле свалить все на жену: и готовить обед и подавать его!..

— Она не намерена делать ни того ни другого, она уже ушла из дому.

— Вы должны привести ее назад! — воскликнул Гораций. — Боже мой! Неужели вы не видите, в какое положение вы меня ставите? Мои знакомые уже выехали из дому, теперь слишком поздно им телеграфировать или как-нибудь дать знать.

Пока он говорил, раздался стук у входной двери; и довольно странным показался знакомый звук чугунного молоточка в этой арабской зале.

— Вот они! — сказал он, и мысль встретить их у двери и предложить сейчас же отправиться в ресторан пришла ему на ум, но тут он сообразил сразу, что неудобна его одежда да и денег не хватает на это.

— В последний раз и вас спрашиваю, Рапкин! — крикнул он в полном отчаянии. — Неужели же вы вовсе не готовили обеда:

— О, — ответил Рапкин, — обед-то будет: его стряпают какие-то дикие нехристи там, внизу, вот что уязвило сердце Марии: видеть, что все взято из ее рук, после того, как она так много хлопотала.

— Но мне нужен кто-нибудь, чтобы подавать! — воскликнул Гораций.

— У вас найдется довольно слуг для чего угодно. Но если вы надеетесь, что честный христианин станет служить вместе с дурномордыми арапами и плясать под их дудку, то вы ошибаетесь, сударь! Пойду переночую у своего зятя и спрошу у него совета об этом деле, потому что он служил швейцаром у адвоката и знает законы. А пока желаю вам доброго вечера и надеюсь, что ваш обед будет вам по вкусу и по желанию!

Он вышел через дальнюю арку, в то время как из передней до Горация долетали слишком хорошо знакомые голоса. Фютвой приехали; ну, во всяком случае, кажется, им будет что поесть, раз Факраш в своем старании делать все основательно, сам приготовил и пир, и прислугу! Но кто же доложит о гостях? Где те слуги, о которых говорил Рапкин? Не пойти ли самому встречать гостей?

Через минуту ответ на эти вопросы явился сам собой, потому что, пока он еще стоял под куполом, драпировки центральной арки раздвинулись с шумом и открыли двойной ряд высоких рабов в богатых одеждах; их глаза цвета оникса выкатились и зубы засверкали на шоколадном фоне их лиц, когда они произнесли свое восточное приветствие.

Между этим двойным рядом стояли профессор, г-жа Фютвой и Сильвия; они только что сняли верхнюю одежду и смотрели с нескрываемым удивлением на блеск, который представился их глазам.

Гораций двинулся к ним навстречу; он чувствовал, что попал в тиски и единственное, что ему оставалось, это принять спокойный вид и верить, что его счастливая звезда проведет его через все затруднения без неприятных разоблачений и безо всякой беды.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Медный кувшин (8 глава)" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)